

ЕСТЬ МНЕНИЕ

И ПОНЬИНЕ НЕ РЕШЕННАЯ ПРОБЛЕМА

КТО НАДЕЖНО ЗАЩИТИТ СТРАНУ ОТ ВОЕННОГО НАПАДЕНИЯ: ПРИЗЫВНИК ИЛИ КОНТРАКТНИК?

19 октября 2010 года в рамках совместного проекта факультета мировой экономики и мировой политики Государственного университета – Высшей школы экономики и Совета по внешней и оборонной политике состоялось заседание «круглого стола» на тему «Комплектование Вооруженных Сил нового облика». «ВПК» опубликует в этом и последующих номерах выступления участников прошедшей дискуссии.

МНОГОЛЕТНИЙ И НЕСКОНЧАЕМЫЙ СПОР

КОМПАКТНУЮ КОНТРАКТНУЮ АРМИЮ ПРЕДЛАГАЛОСЬ ОРГАНИЗОВАТЬ ЕЩЕ В 80–90-е ГОДЫ

Вопрос, который вынесен на обсуждение, многим покажется не очень важным, а в каком-то отношении даже набившим оскомину. Другим же эта проблема представляется самой существенной в военной сфере.

Александр БЕЛКИН, заместитель исполнительного директора СВОП

Действительно, тема комплектования Вооруженных Сил обсуждается и общественностью, и экспертным сообществом нашей страны уже почти четверть столетия – со времен горбачевской перестройки и гласности. Совершенно очевидно, что все аспекты преобразования армии и флота России волнуют граждан Российской Федерации гораздо в меньшей степени, чем призыв в действительную военную службу и замена его вербовкой контрактников.

Объяснение этому, на мой взгляд, совершенно очевидное и простое. Большинство людей, когда у них что-то заболело, первым делом бросаются в аптеку за болеутоляющим средством, и только потом немногие, серьезно заботящиеся о собственном здоровье, начинают задумываться о причинах и источниках именно заболевания, а не его болевой симптоматики.

Таким «болевым» побудительным толчком к отказу вооруженных сил Соединенных Штатов Америки от призыва в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века стали общественные протесты против войны во Вьетнаме и более 50 тысяч гробов, в которых американские военнослужащие, преимущественно молодые ребята, вернулись в свои семьи. Добровольческие вооруженные силы стали инструментом снятия социального напряжения, но отнюдь не панацеей и не самым оптимальным решением, как считают сами военные в США.

В СССР проблему призыва стали обсуждать после нашего собственного Вьетнама – войны в Афганистане. Насилие в казармах, которое официально именуется «неуставными отношениями», а в общественном сознании зачастую неправильно трактуется как так называемая дедовщина, резко возросло в последние, кризисные годы Советского Союза и сохранялось на протяжении всего постсоветского существования России. Нежелание родителей отпускать сыновей на срочную службу было усугублено войной в Чечне. И так же, как президент Никсон за четверть века до этого, Борис Ельцин в середине 90-х годов после первой чеченской кампании и накануне президентских выборов подписал указ о завершении перехода к комплектованию Вооруженных Сил по контракту к 2000 году. Но только в отличие от Америки в нашем случае это был чисто популистский шаг и, естественно, требования указа остались невыполненными.

Коротко напомним еще некоторые факты из истории вопроса.

Проблемы комплектования Вооруженных Сил активно обсуждались на серьезном экспертном уровне с привлечением зарубежного опыта уже в конце 80-х – начале 90-х годов. Так, еженедельник «Московские новости», один из главных инструментов политики гласности, опубликовал к 71-й годовщине Октябрьской революции 6 ноября 1988 года статью под заголовком «Какая армия нам нужна?». Ее автор – подполковник Александр Савинкин, преподаватель философии Военно-политической академии и выпускник Рязанского военного училища ВДВ. Он писал: «Центральным звеном военной реформы мне представляется переход к кадрово-милиционной армии, то есть к относительно небольшой, высоко технической оснащенной, профессионально подготовленной и комплектуемой преимущественно добровольно кадровой военной организации, опирающейся на широкую сеть территориально-милиционных формирований. Эта система, полагаю, позволит без ущерба для безопасности сократить постоянные военные компоненты, обеспечит более совершенную взаимосвязь армии с народом. В результате, на мой взгляд, будет создана демократическая, интегрированная в общество военная структура, что позволит решить многие проблемы, в том числе обеспечить безопасность и внутреннюю стабильность страны, общественный порядок за счет самих же граждан-милиционеров. Кадрово-милиционная армия соединяет в себе идеал демократической оборонительной военной системы и реальные возможности по преобразованию вооруженных сил на принципах достаточности и оборонительной военной стратегии. В ходе разоружения она будет способна трансформироваться в милиционную армию, для которой характерны максимальное приближение к производительному труду, отсутствие постоянной военной организации, короткая неказарменная воинская служба, высокий патриотический дух».

Надо сказать, что статья и идеи Савинкина вызвали довольно жесткую реакцию со стороны советского Министерства обороны (в отличие от которого нынешнее, российское министерство довольно чутко прислушивается к экспертному сообществу). Министр Дмитрий Язов повелел объяснить ее автору, что в военном ведомстве знают, какая армия нужна СССР, а для тех, кто этого не понимает и задает вопросы, ближе Иркутская земля нет.

В официальном порядке Язов заявил после Первого съезда народных депутатов СССР: «Убежден, что призывы к немедленному отказу от всеобщей воинской обязанности, как и предложения перейти на милиционную систему или растащить армию по национальным квартирам, не учитывают сегодняшние реальные возможности страны, не отвечают потребностям ее обороны. Первый съезд народных депутатов СССР однозначно высказался за то, чтобы наши Вооруженные Силы развивались в соответствии с действующими принципами их формирования. Думаю, это мудрое, государственное решение» («Правительственный вестник», № 6, февраль 1990 года).

Некоторые из тех, кто давал тогда идеологический отпор дерзкому подполковнику, продолжают активно трудиться и сегодня, например известный военный социолог генерал-лейтенант в отставке Владимир Серебрянников. Тогда, в 1989 году, ссылаясь на то, что еще Фридрих Энгельс подчеркивал превосходство регулярной армии над милиционной, он писал в «Красной звезде» (12 февраля 1989 года): «Если милиция изжила себя в то давнее время, можно ли делать на нее ставку теперь... когда существенно изменились формы и способы ведения боевых действий? Переход на милиционную систему означал бы немедленную утрату военно-стратегического паритета. Мы резко ослабили бы себя, поставили в заведомо невыгодное положение, дали соблазн любителям военных авантур. Ведь милиционным формированиям совершенно не под силу овладение и эффективное применение сложнейших современных видов оружия... Что даст, например, перевод на милиционную организацию современной мотострелковой дивизии? Да то лишь, что она практически перестанет существовать как боевая сила».

В вышедшем в 1990 году перестроенном сборнике «Армия и общество», в котором со статьями и интервью выступили многие из присутствующих в этом зале, один из сегодняшних докладчиков, подробно рассмотрев зарубежный опыт формирования вооруженных сил, в заключение своей главы писал: «Автор сознательно воздерживается от выдачи конкретных рекомендаций по использованию в нашей предстоящей военной реформе зарубежного опыта комплектования вооруженных сил. Ведь применение каждого из рассмотренных выше способов и принципов комплектования определялось в каждой стране сложившимися конкретными условиями развития государственных, политических и общественных структур, а также уровнями и формами возможных угроз национальной безопасности. Поэтому, на мой взгляд, принятие окончательного решения в пользу той или иной модели комплектования Вооруженных Сил СССР следует отложить до разработки четкого перспективного прогноза развития Советского Союза, прежде всего характера его государственного и общественного устройства» (В. Шляков. «Принципы формирования армии: мировой опыт». Армия и общество. Сост. и общ. ред. Чалдымова Н. А. и Черкасенко А. И. М., «Прогресс», 1990).

Таким образом, предлагалось возвратиться к решению проблем комплектования позднее, поскольку, как представлялось военным экспертам, это был не главный вопрос преобразования Вооруженных Сил и обороны страны.

Завершу свой краткий исторический экскурс цитатой из доклада Совета по внешней и оборонной политике «Военное строительство и модернизация Вооруженных Сил России», опубликованного весной 2004 года и впоследствии ставшего по сути планом того, что сегодня получило в обиходе название «реформа Сердюкова»: «Возьмем, к примеру, такой вопрос, как комплектование армии – на призывной или на контрактной основе, который уже второе десятилетие раскалывает российское общество. На наш взгляд, непримиримость сторон в этом споре объясняется недостаточным знанием мирового опыта, который покажет, что способ комплектования – далеко не решающий фактор эффективности вооруженных сил. Укомплектованная сплошь добровольцами армия США, например, разительным образом отличается от израильской армии, построенной по милиционному принципу, заимствованному Израилем у Швейцарии. Совсем по-иному комплектуется кадрово-призывная армия Турции. И тем не менее армии этих стран не раз доказывали свою эффективность в боевых условиях и ни одна из них не собирается менять национальную систему комплектования».

В этом же докладе было подробно рассказано о зарубежном опыте использования независимых президентских (правительственных) комиссий на переломных этапах военного строительства, в частности о работе президентской комиссии Т. Гейтса по добровольческим вооруженным силам США (1969–1970 годы) и передаче армии Соединенных Штатов на комплектование по контракту.

И последнее. Зачем приведены все эти обширные цитаты? Потому, во-первых, что рассматриваемые нами сегодня вопрос на самом деле не такой малозначущий, как может представляться на первый взгляд. Во-вторых, экспертное мнение на сей счет давным-давно и неоднократно высказано. Осталось только его услышать, осознать и постараться воплотить в жизнь.



Коллаж: Андрей СЕДИХ

рошо понимаем, что 60 бригад – это максимум 300 тысяч человек.

Итак, появляется задача ежегодно прогонять через Вооруженные Силы по 560 тысяч (в идеале – 750 тысяч) человек для того, чтобы все они ушли в никуда. Они не нужны армии. Мы тратим гигантские ресурсы, обучая солдат-срочников с единственной целью: если в момент, когда эти люди будут находиться в войсках, случится война, они послужат пушечным мясом.

Часто можно услышать, что у России нет денег на формирование контрактной армии, что это слишком большое удовольствие. Тогда прикинем, какие средства, ресурсы мы тратим на обучение людей, чьи знания и навыки не потребуются никогда. По-моему, это не имеет ровно никакого отношения к обеспечению безопасности, это просто растрата бюджетных ассигнований.

Всегда выдвигается тезис о том, что призывник дешевле контрактника. Мне этот тезис кажется по меньшей мере спорным. Призывник дешевле контрактника, если этого призывника содержат в скотских условиях, если все время, положенное на боевую подготовку, он тратит на самообслуживание. Ныне, как мы знаем, взят курс на то, чтобы освободить солдата от всего, кроме боевой и физической подготовки. Предполагается, что специальная созданная компания «Рособорсервис» уже занимается уборкой в казармах и полностью отвечает за питание. Так, по мере гуманизации воинской службы призывник становится ненамного дешевле контрактника.

И здесь возникает вопрос: а собственно говоря, насколько боготовы соединения, состоящие из срочников, которые служат один год? Нам говорят, что это бригады постоянной готовности. Насколько же они могут быть беспособны, если в них в каждый конкретный момент половина личного состава служила меньше шести месяцев?

Для меня моментом истины стали учения «Восток-2010». Сейчас Минобороны утверждает, что специальные сроки проведения маневров назначили как раз на тот период, когда одна часть призывников увольнялась в запас, а другая заступала на службу. При подготовке учений было принято очень простое решение – вопреки всем законам остановить увольнение, отправив сколько-нибудь знающих и умеющих солдат даже не сказал, в грядущих маневрах, а всего лишь готовить полигоны.

А потом произошло чудо чудное. Такие же призывники из других соединений, прослужившие несколько недель, отлично, как нам докладывают, зарекомендовали себя в учениях, причем не только мотострелки, но и планшетисты в отдельной бригаде ПВО, которая замечательным образом уничтожила все мишенки.

Давайте честно себе скажем, что это показуха, что до сих пор Министерство обороны не очень понимает, как надо разрабатывать, как менять программу с тем, чтобы за 2–3 месяца подготовить полноценного военнослужащего. По крайней мере никто еще не сказал, за счет каких замечательных методик это происходит. В таком случае вывод, мне кажется, довольно печальный. Эти солдаты в случае военного конфликта будут пушечным мясом. Они не подготовлены настоящим образом.

И, наконец, главное: демографическая яма, куда проваливается Россия. В течение ближайших лет количество 18-летних будет составлять не более 700 тысяч человек каждый год, то есть меньше того количества должностей, которые предназначены для срочников в Вооруженных Силах. Нам говорят, что миллион бегают, много скрываются от призыва. Но если призвать этот миллион, то мы получим всего полтора призыва. И все. А яма не исчезнет до 2020 года.

Это означает, что никаким образом требуемый миллион военнослужащих собрать не удастся. Его не удастся собрать и сейчас. В последние годы призывы весной и осенью дали Вооруженным Силам по 270–280 тысяч новобранцев, всего где-то 560 тысяч ежегодно. Прибавляем 100 тысяч контрактников и 150 тысяч офицеров. Как ни крути, миллиона не получается. Из этого вовсе не следует, что завтра надо издать указ и переходить на контрактную армию. Но самое время задуматься, каким образом это сделать.

Да, для перехода к полноценной контрактной армии, разумеется, нужен профессиональный сержантский корпус. Да, необходимо время, чтобы его сформировать. Да, надо несколько лет, чтобы хотя бы появились капитаны и старшие лейтенанты, которые прошли другую систему военного образования. Над этим сейчас Министерство обороны работает. Но, по-моему, военному ведомству пора прекратить морочить себя и политическое руководство. Можно, кстати сказать, только догадываться, какие цели преследуют те, кто упорно утверждает, что Российской армии возможно сформировать на основе призыва. У меня подозрение, что в этом заключается цель сознательно привести к коллапсу призывных кампаний, а потом сказать, что все реформы никуда не годятся.

По-моему, сейчас самое время задуматься над вариантами и возможностями перехода к контрактной армии.

ГОТОВИМ ПУШЕЧНОЕ МЯСО

В запале дискуссии о том, какая система комплектования необходима Вооруженным Силам России, их участники часто используют совершенно негодные, на мой взгляд, тезисы.

ЗА ОДИН ГОД СЛУЖБЫ НЕЛЬЗЯ ИЗ СРОЧНИКОВ СОЗДАТЬ БОЕГОТОВЫЕ ЧАСТИ

*Александр ГОЛЬЦ,
заместитель
главного редактора
интернет-издания
«Ежедневный журнал»*

Тезис первый. Утверждается, что Родину могут эффективно защищать только солдаты призывной службы, а контрактники – они же наемники! – не обладают необходимой способностью к самопожертвованию во имя Отчизны. Но возникает простой вопрос: а готовы ли отдать жизнь ради спасения родной страны офицеры, которые командуют этими призывниками? Ведь получается, что роль skoro все они получают жалование, то тоже являются наемниками. (В скобках замечу, что, конечно же, людей, которые добровольно выбирают службу в Вооруженных Силах, называть наемниками абсолютно некорректно. ООН определяет наемничество во вполне конкретных терминах. Таковым считается только тот случай, когда конкретный военнослужащий получает оплату, качественно в разы отличающуюся от жалования военнослужащих данного государства.)

Другой аргумент, который часто используется и кажется мне тоже негодным. Это довод о том, что у России огромная территория, чрезвычайно протяженные границы, что нам может противостоять китайская армия. Однако более или менее очевидно, что числен-

ность вооруженных сил никак не коррелируется с площадью государства. По крайней мере никто еще не обосновал, почему российская территория соответствует магической цифре в один миллион военнослужащих. Абсолютно ясно, что оборону страны следует осуществлять, отнюдь не дислоцируя соединения по периметру ее рубежей. Если нет, то следует вводить иные критерии.

Что касается угрозы со стороны КНР. Идея в виду мобилизационный резерв Народно-освободительной армии Китая, полное и абсолютное превосходство в обычных вооружениях (по крайней мере в их количестве), придется констатировать: ни контрактная, ни призывная армия в случае войны между Россией и Поднебесной НОАК противостоять не сможет. И если «мыслить о невысказанном» (я не вижу никаких предпосылок для военного столкновения КНР с Российской Федерацией), то ядерный конфликт начнется на очень ранней стадии.

Призывная армия в том виде, в котором она существует, появилась во второй половине XIX века. Прусская призывная армия блестяще показала себя во время войн с Австрией и Францией в 1866 и в 1870 годах. Ее зарождевание явилось результатом научно-технического прогресса. Развилась железные дороги, и можно было в короткий период концентрировать большую массу людей в конкретных местах. Таким образом, имелась возможность в мирное время не содержать многочисленную войска.

Просто следовало пропустить значительную часть мужского населения через вооруженные силы, обучить его военному делу за два-три года и призвать в случае необходимости. Расцвет эффективности призывной армии стали Первая и Вторая мировые войны. Тогда призывная армия превратилась в массовую мобилизационную.

Учитывая все это, перейдем к нынешнему состоянию российских Вооруженных Сил. Более или менее очевидно, что оптимизация и переход к новому облику подвели черту под возможностями государства проводить массовую мобилизацию. Уже нет избыточного числа офицеров, которые в случае массовой мобилизации могли бы возглавлять батальоны, полки, дивизии, созданные из резервистов, – они уволены в результате сердюковских реформ. Не существует частей неполного состава, которые могли бы принять эти сотни тысяч и миллионы резервистов.

Более того, есть две цифры, проскользнувшие, скажем так, из военного ведомства. Первая: на заседании Совета Федерации начальник Генерального штаба сказал, что необходимый резерв для армии – это 700 тысяч человек. Не миллионы, а всего 700 тысяч. Вторая цифра фигурировала в интервью бывшего главнокомандующего Сухопутными войсками генерала Постникова: было сказано, что Вооруженные Силы обладают резервом на 60 бригад. Только для оснащения этих соединений есть оружие и техника. Мы хо-